

Лингвокультурный перенос как психолингвистическая основа переводческой адаптации

В статье рассматривается понятие лингвокультурного переноса (трансфера) в четырех оппозициях: а) локальный vs целостный; б) осознанный vs неосознанный; в) связанный с глубинными vs с поверхностными структурами оригинала и перевода; г) связанный с социальными статусами языков оригинала и перевода.

Ключевые слова: лингвокультурный перенос (трансфер), адаптация, лакуна, форенизация и доместикация, языковая и культурная интерференция, поверхностные и глубинные структуры.

Известно, что языки в сопоставлении обнаруживают множество лакун - «пробелов», «пустых мест» в системе национально-специфических эквивалентов: как языковых (например, грамматические формы, синтаксические структуры, содержание и объем значений лексики, наименования реалий и др.), так и речевых (несовпадение средств описания референтной ситуации, узуальной сочетаемости, фразеологии и идиоматики, жанрово-стилистических норм). Выделяют также культурологические лакуны: субъектные, отражающие национально обусловленные характерологические и эмотивные особенности субъектов коммуникации, специфику национального юмора; когнитивно-коммуникативные, обуславливающие различия когнитивной обработки информации и разницу стратегий коммуникации; лакуны культурного пространства, отражающие своеобразие восприятия времени и пространства, бытового, уклада, ритуалов, культурного фонда, концептов, символики; текстовые лакуны, выражающие различие текстового восприятия как в связи с присутствующим в нем «сверхтекстом» (реалиями, аллюзиями, скрытыми цитатами, скрытыми намеками и др.), так и с наличием иной интерпретационной перспективы [Сорокин, Марковина 1983, Текст как... 1989, Марковина, Сорокин 2010].

Лакунарность языков и концептуально-интерпретационные различия текстов разных лингвокультур побуждали исследователей поднимать тему принципиальной непереводаемости текста, а также искать пути решения проблемы. С этой целью были разработаны многочисленные модели перевода как процесса: трансформационная (Л.С. Бархударов и др.), компонентная, или семантическая (Дж. Кэтфорд и др.), «модель соответствий» Я.И. Рецкера, пятиуровневая модель эквивалентности В.Н. Комиссарова¹, коммуникативно-прагматическая модель А.Д. Швейцера² и другие.

Традиционно метод, позволяющий преодолеть лакунарность текста, называется адаптацией. Согласно В.Н. Комиссарову, адаптация – преобразование информации с целью изложить ее в иной форме, определяемой особой задачей межъязыковой коммуникации [Комиссаров 1990]. Основные виды адаптации — это количественное сокращение оригинала, а также качественное преобразование его формы и содержания в соответствии с языковыми, культурными и когнитивными структурами реципиента. Целостная адаптация («адаптивное

¹ Эквивалентность в трактовке Комиссарова – многоуровневое понятие. При переводе происходит последовательная оценка прагматического, референциального, денотативного, структурного и лексического аспектов оригинала, подбирается перевод, соответствующий этому аспекту. Перевод может быть эквивалентным в большей или меньшей степени – от первого (низшего) до пятого (высшего) уровня. Вместе с тем, адекватным может быть перевод лишь на одном из этих уровней – в зависимости от сочетания упомянутых аспектов, значимости каждого из аспектов и возможности их передачи в каждом конкретном случае. Эквивалентность может варьироваться, а адекватность, как оптимальная, учитывающая все условия и компоненты, правильность перевода, может быть единственной, инвариантной.

² Модель А.Д. Швейцера основана на выборе стратегии перевода (от текстуально точной до вольной) и соответствующих путей прагматической адаптации: выборе тех аспектов оригинала, которые должны быть отражены в переводе в первую очередь (т.е. выработки шкалы приоритетов перевода), принятии решения о переводе тех или иных деталей местного колорита и колорита эпохи, либо отказе от этого в пользу глубинного проникновения в смысл текста.

транскодирование») зачастую критикуется как тип перевода, не дающий адекватного представления о культуре языка перевода и искажающий смысл оригинала. За рубежом противниками адаптации текста при переводе ради fluency - «сглаженности» («слитности») текста и «беглости» чтения, выступают такие известные филологи и переводчики как Л. Вентури, А. Лефевр, А. Берман; они призывают переводчиков не сглаживать шероховатости перевода, обусловленные разницей лингвокультурных систем³. Вместе с тем, значительная часть переводоведов-традиционалистов признает неизбежность и значимость адаптации как фактора, облегчающего восприятие переводимого текста. Существует также взгляд, допускающий практически неограниченную адаптацию оригинала, это скопос-теория К. Райса, Х. Вермеера, К. Норд, утверждающая автономию перевода от оригинала, его самоценность, обусловленную теми функциями для принимающей культуры, которые он выполняет.

Три отношения к качественной адаптации:

- 1) Представители культурологического направления перевода А. Лефевр, А. Берман, Л. Вентури являются противниками адаптации, сглаживания шероховатостей текста в переводе ради беглости чтения, слитности текста (fluency), они отвергают концепцию «невидимого переводчика» и призывают последнего демонстрировать активное присутствие в тексте в виде имени, предисловия, пояснений и т. п.
- 2) Переводоведы-традиционалисты признают неизбежность адаптации и ее значимость как фактора, облегчающего восприятие переводимого текста.
- 3) Скопос-теория (К. Райс, Х. Вермеер, К. Норд) утверждает неограниченную адаптацию оригинала в зависимости от функций текста для принимающей культуры.

В целом, выделяются четыре основных стратегии преодоления лакунарности в процессе адаптации: а) снятие лакуны, утрата при переводе непереводаемой единицы текста (пример Альбрехта Нойберта: I came to Warley on a wet September morning with the sky the gray of Guiseley sandstone. - В Уорли я приехал дождливым сентябрьским утром. Небо казалось высеченным из серого песчаника); б) краткое пояснение имплицитного культурного смысла реалии – экспликация (It was Friday. So they will soon go out and get drunk (J. Brain). - «Была пятница, день получки. Скоро они пойдут домой и напьются»); в) компенсация при помощи аналогичного языкового или речевого явления в ПЯ (You could tell he was very ashamed of his parents and all, because they said "he don't" and "she don't" and stuff like that... (J. Salinger) - Сразу было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили «хочут» и «хочете», и все в таком роде); г) наконец, формальная передача единицы оригинала (с помощью калькирования, транскрипции, транслитерации или лексико-семантических замен), часто с элементами экспликации (например, словосочетание Knitter's Frolic - «Проделки вязальщиков» (фестиваль вязальщиков в Торонто, выставка-продажа и семинары для мастеров и начинающих). Первый случай переводческой работы с лакунами можно назвать называется «нейтрализацией» смысла оригинала, а три других правомерно отнести собственно к вариантам прагматической адаптации.

Понятие, которое мы развиваем в настоящей работе - *лингвокультурный перенос (трансфер)*, напрямую связано с лакунарностью и адаптацией текста. Лингвокультурный

³ Последний также отвергает традицию «незримого переводчика» и призывает демонстрировать его активное присутствие в тексте в виде имени, предисловия, пояснений и т. п.

перенос обусловлен фоновыми знаниями (пресуппозициями) переводчика, побуждающими его к выбору той или иной стратегии перевода, к расстановке приоритетов и определенному способу передачи конкретных единиц оригинала.

Если говорить о лингвокультурном трансфере *par excellence*, то он относится к онтологии, это психическое (точнее, этнопсихолингвистическое) явление. Понятие трансфера, или переноса, было введено З. Фрейдом (он обозначал его словом *Übertragung*), для обозначения проекции индивидом своих субъективных оценок и иллюзий из мира чувствований во внешний мир [Юнг Интернет-ресурс]. К.Г. Юнг связывал трансфер с переносом архетипов, символических образов, на объекты окружающей действительности (работы «Психология и алхимия», «Психологии переноса», «*Mysterium Coniunctionis*»), то есть указывал не столько на субъективно-эмоциональную, сколько на культурную составляющую трансфера. И хотя в концепции Юнга такой перенос связывается скорее с универсальными, генетически врожденными протообразами бессознательного, аналогии которых он находит в алхимических символах, в мифологии, в искусстве, несомненно, что и стереотипы, благоприобретенные через культурную среду и язык, обуславливают перенос уже усвоенных концептуальных структур на вновь осваиваемые объекты действительности.

Лингвокультурный перенос можно понимать широко, как культурно обусловленную субъективность интерпретации текста либо любого другого семиотического объекта; как концептуальный и этнопсихолингвистический крен, отражающий пресуппозиции переводчика относительно родного и иностранного языков и культур⁴; а также как пресуппозиции переводчика относительно текста и его смыслов, автора текста, реципиента как интерпретатора.

В описании проявлений лингвокультурного переноса большой объяснительной силой обладает, на наш взгляд, трансформационная модель перевода (Леонид Степанович Бархударов⁵). Согласно ей, переводчик имеет дело с поверхностными текстовыми структурами оригинала, которые он передает при помощи эквивалентных структур ПЯ, а также с глубинными структурами оригинала, которые он пытается проинтерпретировать и раскрыть с помощью глубинных структур ПЯ и воплотить в соответствующих поверхностных структурах. Заметим, что наше понимание глубинных структур является не столько формально-лингвистическим, сколько психолингвистическим. Под глубинными структурами мы понимаем имплицитные семантические компоненты высказывания, побочные смыслы и весь совокупный образно-ассоциативный комплекс, который имеется у носителя той или иной лингвокультуры при производстве/ восприятии высказывания. Под поверхностными же структурами понимаются слова и грамматические структуры, образы и символы, которые выбираются для представления (репрезентации) мысли.

В свете этого подхода лингвокультурный перенос может приводить:

1) к трансформации содержания оригинала, когда происходит перенос концептуальных структур с одной культуры на другую и, соответственно, замена глубинных структур оригинала инокультурными глубинными структурами; замена или приращение смыслов, компенсация образности, идиоматики, реалий и др.;

2) к трансформации поверхностных структур перевода, когда русский перевод начинает звучать «по-иностранному», а иностранный - «слишком по-русски».

Лингвокультурный перенос как психолингвистическое явление обнаруживает ряд оппозиций, среди которых наиболее существенными нам представляются: а) локальный vs целостный; б) осознанный vs неосознанный; в) связанный с глубинными vs с поверхностными структурами оригинала и перевода; г) связанный с социальными статусами языков оригинала и перевода. В рамках этих оппозиций мы и будем описывать это явление.

Первая оппозиция; локальный vs целостный ЛП

⁴ Далее по отношению к языку и культурным реалиям в совокупности мы будем применять термин «лингвокультура».

⁵ Бархударов Л.С. О поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания. – 1973. - №3 – с. 50-61.

Локальный лингвокультурный перенос означает замену отдельных реалий, идиоматики, элементов комического (например, каламбуров), трансформации образности, идиолектных особенностей речи и др., а целостный - изменение самих концептуальных структур оригинала, его целостную адаптацию.

Локальный перенос ведет к реализации переводческого приема компенсации, когда реалия, идиома, метафорический образ, каламбур или характерные особенности идиолекта героя заменяются подобранными для них аналогами на языке перевода.

Приведем еще несколько примеров компенсации реалий:

“He plied her with scones and jam” (J. Galsworthy) - «Он угощал ее оладьями с вареньем» (перевод Н. Вольпин). Здесь происходит замена реалии ИЯ иной реалией ПЯ, поскольку в лингвокультурах оригинала и перевода наблюдается лакунарность соответствующих понятий. Аналогичные примеры:

“I didn't have a date or anything, so I and this friend of mine, Mal Brossard, that was on the wrestling team, decided we'd take a bus into Agerstown and have a hamburger and maybe see a lousy movie” (J. Salinger). - «Делать мне было нечего, и мы с моим приятелем, с Мэлом Броссаром из команды борцов, решили поехать на автобусе в Эгерстаун съесть по котлете, а может быть, и посмотреть какой-нибудь дурацкий фильм» (перевод Р. Райт-Ковалевой).

“She said maybe she'd eat a cheeseburger later on. Just what is this cheeseburger business? From what I gather, she's practically been living on cheeseburgers and Cokes all semester so far... Christ lived on cheeseburgers and Cokes. For all we know, he probably fed the mult-...” (J. Salinger, "Zooney") - «Она сказала, что попозже, может, съест сырник. Но при чем тут сырники? Насколько я понимаю, она и так весь семестр питалась сырниками и кока-колой. ... Христос питался сырниками и кока-колой. Как знать, может, он и толпы кормил...» (перевод М. Ковалевой)⁶.

Еще пример. «Молдаванка шла толпами, как будто во дворе у Криков были перекидки» (И. Бабель «Одесские рассказы», последующий контекст — «Люди расселись в палисаднике и вынули угощение»). "The Moldavanka was arriving in droves, as if a wake were being held in the Kriks' yard." Перевод многозначного одесского слова «перекидки» - «ярмарка, балаган, шум, семейная склока; также тип аттракциона на ярмарке» производится с помощью слова wake в его религиозном значении - «бдение, всенощная в канун местного праздника», что реализует сему зрелищности, добавляя в смысл фразы сему сакральности, зато упуская сему потасовки, склоки.

Компенсация идиоматики и образности:

“Snail, snail, glister me forward,/ Bird, soft-sigh me home, /Worm, be with me» (Roethke). «Несите ж домой меня, ты, переливчатая улитка,/ и птица, взмах крыльев которой легок, как вздох, / и червь дождевой». Глагольные метонимии “glister” и “soft-sigh”, образованные в результате конверсии существительных, свойственны английскому языку и принципиально отсутствуют в русском, чем вызывают определенные трудности при переводе⁷. В нашем примере компенсация образности, создаваемой этими метонимиями, производится при помощи экспрессивного эпитета и образного сравнения.

Компенсация может быть связана не только с заменами реалий и трансформацией образности, но и с изменением самих концептуальных структур оригинала, с переносом когнитивных и интерпретационных стратегий своей лингвокультуры на чужую и наоборот. Тем самым предполагается иная интерпретация произведения, в переводе появляются иной

⁶ Отметим, что в отношении двух последних переводов разгорелась бурная полемика среди переводчиков, литературоведов и журналистов. Отдельные критики (например, журналист Б. Волхонский) считают такой перевод неверным и утверждают, что частое применение компенсации бросает тень на достоинство советского переводоведения в целом. Однако многие авторитетные переводчики, «старой школы» такие как В.Н. Топоров, полагают, что компенсация в данном случае оправдана. Современники Р. Райт-Ковалевой в 60-е годы прошлого века не имели представления об американском общепите и ассортименте «Макдоналдса», сырники же и котлеты были обычной пищей школьников. Поэтому такое переводческое решение, не отвлекающее внимание читателя на малосущественную деталь, было понятным.

⁷ Ср. также sidle up to, to whiff past sb., etc.

подтекст и выводы. Упомянутый выше представитель культурологического направления в переводоведении А. Лефевр отмечает распространенность «адаптации оригинала к конкретной идеологии или поэтике иноязычной аудитории». При этом идеология в теории А. Лефевра получает тройственное выражение: как идеологическая установка самого переводчика, которая выражается в элементе субъективности при восприятии оригинала; как идеология власти, которая реализуется в требованиях цензуры; как идеология целевой читательской аудитории, которая предопределяется идеологией власти и всем социокультурным контекстом эпохи (цит. по [Леонтьева Интернет-Ресурс], также [Lefevere 1990]).

Например, в цитированном выше романе Дж. Брэйна «Место наверху» герой, с презрением описывая внешность молодого человека «из низов», говорит, в частности, что у него "the face behind the requests on Forces Favourites", т.е. «лицо человека, который посылает заявки для исполнения по радио в концерте для военнослужащих». Как поясняет В.Н. Комиссаров, подобная ситуация вряд ли будет воспринята читателем русского перевода как уничижительная характеристика. Поэтому переводчики (Т. Кудрявцева и Т. Озерская) предпочли установить эквивалентность с совершенно иной ситуацией: «такие лица видишь на плакатах...» [Комиссаров 1990].

В качестве примера целостного концептуального переноса (т.е. переноса на уровне текста) можно привести перевод В.Н. Топоровым второй части триптиха У.Х. Одена «*In Memory of W.B. Yeats*», в котором появляются перефразированные образы, не вписывающиеся в концептуальную программу оригинала и в концептосферу Одена в целом [Леонтьева 2011]. На культурно-концептуальном уровне наиболее ярко бросается в глаза актуализация концепта «РОДИНА», характерного для русского менталитета: «*отчие места*», «*державна*», «*державный рот*» - вместо нейтрального «*country*» в оригинале. По мнению автора вышеуказанной статьи, результатом введения в перевод подобного культурологически и эмоционально нагруженного символического концепта становится «концептуальная дисгармония двух текстов». В этом же переводе, наряду с этноконцептуальным переносом отмечаются стилистические и идеологические замены: вместо нейтрального «Ирландия» использовано архаично-возвышенное «Эйре»; вместо строк "executives / would never want to tamper" - строки «где никто из главных / Главы не преклонит», что отражает замещение ирландской колониальной реалии «чиновники, наместники» имперской реалией «главы», а также замещение прагматики нежелания прагматикой невозможности и т.п. Можно сказать, что все аспекты упомянутого выше переноса: концептуальный, стилистический, идеологический - влекут за собой значительную трансформацию глубинных структур оригинала.

В качестве еще одного примера целостной адаптации возьмем фрагмент перевода песни Джонни Кэша *Man in Black*: "But 'til we start to make a move to make a few things right, / You'll never see me wear a suit of white. / Ah, I'd love to wear a rainbow every day, / And tell the world that everything's OK, / But I'll try to carry off a little darkness on my back, / 'Till things are brighter, I'm the Man In Black. (Дж. Кэш) - «О, если бы всё это было так / Я напялил бы малиновый пиджак / Я сел бы в Кадиллак оттенка кофе с молоком / И песни пел, как мил мне отчий дом. / Я б не таскал в кармане динамит, / Но никто не застрахован от обид. / И нынче ты на воле, а завтра сел в тюрьму / И я черного прикида не сниму» (перевод исполнителя песни Дж. Кэша на русском языке).

В приведенном переводе ключевые образы оригинала существенно меняются, вводятся элементы инокультурного колорита и гротеска⁸. Утрачен центральный посыл оригинала: социальный подтекст песни в интерпретации переводчика сглаживается, сознательный протест героя превращается в иррациональный бунт. Думается, что мотивацией переводчика в данном случае явилось желание приблизиться через текст к читателю (действительно, текст в переводе стал звучать более фамильярно, даже панибратски) и выразить в переводе свое

⁸Ср. «как мил мне отчий дом», «не таскал в кармане динамит», «никто не застрахован от обид», особенно бросаются в глаза атрибуты нуворишей России 1990-х.

понимание реальности. Как и в предыдущих случаях, данный перевод являет пример концептуальной адаптации, однако здесь мы наблюдаем явно непропорциональные трансформации прагматики и глубинных смыслов оригинала, искажающие восприятие⁹.

Вторая оппозиция: осознанный vs бессознательный ЛП

Перенос может осознаваться переводчиком в контексте его пресуппозиций, фоновых знаний и направляться общими стратегиями «сглаживания» текста, а также специфическими интенциями переводчика, определяемыми его сверхзадачей¹⁰. Приведем ряд типичных стратегий «сглаживания» и интенций переводчика (некоторые из них обозначены Антуаном Берманом [Berman 2000]):

Стратегии «сглаживания» текста и специфические интенции переводчика:

- обеспечение благозвучия, удобочитаемости,
- “рационализация” синтаксиса, перестановки, расширение и сокращение,
- ритмизация,
- стилистическое облагораживание или понижение, упрощение или усложнение,
- эвфемизация, цензурирование,
- снижение или повышение экспрессивности, идиоматичности,
- акцентирование и нивелирование смыслов, семантическое выделение,
- экспликация смыслов или уведение их в подтекст,
- сохранение или разрушение (изменение) концептуально-семиотической модели оригинала.

Результатом осознанного лингвокультурного переноса при переводе является преднамеренная адаптация, когда единицы текста, не имеющие эквивалентов в лингвокультуре перевода, компенсируются соответствиями ПЯ (квази-эквивалентами) с неизбежной трансформацией смыслов. Однако зачастую лингвокультурный трансфер является неосознанным и обуславливает непреднамеренную адаптацию, влекущую неадекватность перевода.

Выше мы приводили примеры преднамеренной адаптации и компенсации при переводе. Рассмотрим на нескольких примерах непреднамеренную подмену глубинных концептуальных структур оригинала. Оговоримся, что мы считаем приведенные ниже примеры явлениями неосознанного лингвокультурного переноса, поскольку переводчики приводимых текстов являются профессионалами, отражающими сложившийся в Новое время переводческий канон сочетания мастерства в родной словесности с высокой точностью передачи смысла и формы, а также постольку, поскольку не заявлена и не очевидна иная переводческая задача (сверхзадача), чем просто передать структуру, содержание и прагматику оригиналов.

Прежде всего, приведем классический пример перевода, приводящего к изменению концептуально-интерпретативных структур оригинала: это сюжет Гейне о сосне и пальме в изложении Лермонтова. Как пишет литературовед И.С. Чистова, «Лермонтов не принял во внимание существенных для Гейне грамматических родовых различий: в немецком языке

⁹О переводческих ошибках такого рода - Тимко Н.В. Фактор «культура» в переводе / Н. В. Тимко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2007.

¹⁰Т.е., по А.Д. Швейцеру, дополнительной целью, более или менее независимой от основной прагматической задачи перевода, обусловленной стремлением воздействовать на реципиента, отношением переводчика к выражаемым идеям, к творческой манере автора, особой заинтересованностью в какой-либо части текста и т.п.

«сосна» - мужского рода, «пальма» - женского. Поэтому стихотворение Лермонтова написано не о разлуке влюбленных, как у Гейне, а о трагедии одиночества, непреодолимой разобщенности людей»¹¹. Это один из тех случаев, когда грамматика, точнее, грамматический род, существенно видоизменяет глубинные структуры оригинала. И, по всей видимости это один из случаев именно непреднамеренной адаптации, в основе которой изначально лежал бессознательный перенос образа сосны из русской лингвокультуры на немецкий оригинал при его восприятии.

В качестве еще одного примера неосознанного лингвокультурного переноса можно привести трансформацию образа Йоссариана, героя романа «Уловка-22» Джозефа Хеллера — трусливого члена экипажа бомбардировщика времен Второй Мировой войны, произведенную переводчиками М. Виленским и В. Титовым. Переводчики усилили негативные и экспрессивные коннотации, относящиеся к описанию героя, и снизили сам стиль этого описания, добавив просторечную идиоматику: «злой» взгляд» вместо «внимательного», «окончательно потерял мужество» вместо «ему изменило хладнокровие» («lost his nerve»), «душа ушла в пятки», «в ужасе взмолился» там, где в подлиннике «ему стало не по себе» («was unnerved»), «он почувствовал, как к сердцу подступает страх» – «in incipient panic», «спасать свою шкуру» всякий раз, когда речь идет о борьбе за жизнь. Причины искажения образа — в его субъективной оценке, обусловленной лингвокультурным переносом: подсознательным осуждением малейшей трусости во время войны, и, в целом, восприятием борьбы с фашизмом как героического дела, соответственно, вынесением резкой моральной оценки всему тому, что из этой концепции выбивается. Как отмечает М. Лорие, «Да, с нашей точки зрения, Йоссариан отнюдь не положительный герой. Он напивается и буянит и развратничает не хуже других, когда попадает по увольнительной в Рим, а то и у себя на базе. Он не исполнен высоких патриотических чувств и благородных мыслей о необходимости избавить мир от фашизма. Но, думается, нельзя судить его нашими мерками. <...> Роман Хеллера — подлинная хрестоматия, в которой, пусть с гротескными преувеличениями, показано, чего ищут на войне американские генералы и полковники, как безграничная власть, которой наделяет их армейская субординация, будит в них худшие инстинкты — стяжательство, жестокость. И вот перед нами герой, которому очень не хочется умирать на этой «гноусной и грязной войне» (<...> это определение войны в восприятии Йоссариана в переводе исчезло)» [Лорие 1970].

Следующий пример касается не перевода, но научной филологической статьи, в которой автор интерпретирует постмодернистский роман М. Каннингема «Часы», повествующий об одном дне трех женщин разных эпох и стран, связанных с романом В. Вульф «Миссис Дэллоуэй». Автор комментирует: «каждая из женщин понимает, что мир полон не только радости и неисчерпаемых возможностей, но лжи, страдания и зла». Такого рода интерпретацию, несмотря на присутствие трагических мотивов в романе — три сюжета так или иначе связаны со страданием и смертью, можно безусловно назвать лингвокультурным переносом, видением морального и экзистенциального смысла там, где его не предполагалось автором. Такой перенос стал, вероятно, возможен как в связи с иной традицией изображения действительности, принятой в отечественной литературе (признано, что действительность интерпретируется в ней более глубоко в социальном, этическом и духовном аспектах), так и по аналогии с упомянутым в романе реалистическим произведением «Анна Каренина» Льва Толстого.

Подобных примеров искажений при переводе и литературно-критической интерпретации англоязычной художественной литературы встречается много. Впрочем, не меньше их наблюдается при переводе русской литературы англоязычными переводчиками. Как отмечает английский филолог и переводчик Роналд Хингли, бездумный язык переводческих штампов, "translationese", который так часто использовался в переводе русской литературы, придает ей особый, какой-то «рыхлый» стиль, не имеющий никакого

¹¹Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 тт. Т. 1 / Сост. и коммент. И. С. Чистовой. М.: Правда, 1988. С. 691.

отношения к оригинальным русским текстам ([Hingley 1964: x], цит. по [Venuti 1995: 4]). Примеры этого явления хорошо продемонстрированы в переводоведческих работах К.И. Чуковского [Чуковский 2008 (переизд. 1966 г.) и др.]¹².

Третья оппозиция: перенос глубинных структур лингвокультуры versus перенос поверхностных структур языка при переводе

С одной стороны, существует перенос глубинных структур — то есть реалий, образов, концептуальных структур — принимающей культуры на переводимый текст, обуславливающий лингвокультурную адаптацию, с другой стороны, есть перенос поверхностных структур при переводе, обуславливающий языковую адаптацию текста. Поскольку практически все вышеприведенные примеры иллюстрируют содержательно-смысловой перенос, здесь мы остановимся на переносе поверхностных структур ИЯ или ПЯ на переводимый текст.

Следует отметить, что в целом, можно выделить две стратегии перевода: доместикация оригинала и форенизация перевода (термины Л. Венути, аналогичную концепцию развивает У. Эко) [Venuti 1995; Eco 2003]. Доместикация предполагает этноцентрическое уподобление иностранного текста языковым нормам языка перевода, образно говоря, «приглашение автора-иностранца в родную языковую культуру», форенизация же — преднамеренное отклонение от этих норм с тем, чтобы зафиксировать необычность, «отличие» иностранного текста, образно говоря, «отправка читателя за границу». В первом случае принимается прозрачный, удобочитаемый стиль, позволяющий минимизировать странность иностранного текста для читателей языка перевода, во втором — конвенциональные нормы ПЯ сознательно нарушаются, сохраняя ощущение иностранного происхождения оригинала [Shuttleworth, Cowie 1997: 59].

В истории перевода доместикация преобладала примерно до середины XX века, она часто проявлялась в стилизации к родной культуре — «целостной компенсации», подстраивании формы оригинала под родную словесность. Если рассматривать изменения в переводческой практике в России, то можно видеть, что в переводах XIX и даже XX в. такая стилизация была весьма распространена, о чем свидетельствуют, в частности, некоторые переводы, в которых текст оригинала подвергался полной русификации. Как крайнее проявление такого подхода, можно привести приписываемый Осипу Ивановичу Сенковскому перевод баллады Р. Бернса «Джон Ячменное Зерно»: «Были три царя на Востоке, / Три царя сильных и великих, / Поклялись они, бусурманы, / Известь Ивана Ерофеича Хлебное зернышко...» (There was three kings into the east, / Three kings both great and high, / And they hae sworn a solemn oath / John Barleycorn should die). Как отмечает А.Д. Швейцер, переданное ритмизованной прозой в духе русской народной былины, включающее стилизованное имя, а также элементы русского просторечия (бусурманы, известь), это произведение может расцениваться как стилизованное переложение [Швейцер 1988].

Если до XX века бытовала традиция стилизации переводного текста, стремление добиться такого его звучания, как если бы он был создан в принимающей лингвокультуре, то в советское время основным правилом стало переводить с максимальной точностью, сохранением «инокультурного» колорита и одновременно — с русскоязычной лингвокультурной стилизацией. Это требование обозначено классиками теории и практики переводоведения: Ю.М. Лотманом, Е.Г. Эткиндром, М.Л. Гаспаровым, А.Б. Федоровым, А.Д. Швейцером и другими. Лаконично и емко выразил эту мысль М.Л. Гаспаров: перевод должен вписываться в стилистическую перспективу родной словесности.

¹²В целом, опыт русского перевода в англоязычных странах мал по сравнению с российским опытом английского перевода. На английский язык переведено не так много произведений русской литературы, имеется гораздо меньше переводчиков, и нет сильной научной школы русского переводоведения. Низкое качество переводов с русского признают и издатели, например, бывший управляющий британского издательства «Пенгвин» Петер Мейер (Daniel Kalder «Canonizing Russian Literature for the World...in English») <http://publishingperspectives.com/2013/01/canonizing-russian-literature-for-the-world-in-english/>, в намерение которого входит ревизия многих старых переводов русскоязычных художественных произведений и заказ новых.

В XXI в., с отходом от канонов классического переводоведения и депрофессионализацией перевода, использование компенсации и адаптации как переводческих приемов сократилось, но заметно увеличился процент калькирования, транскрибирования, транслитерации, то есть тенденция форенизации англо-русского перевода возобладала над доместикацией. Эта тенденция отражает общемировое доминирование английского языка, растущее сближение англоязычных оригиналов и их переводов на иностранные языки, унификацию (вестернизацию) языков и культур.

При этом, при преобладании англоязычных глубинных структур, поверхностные структуры текста могут быть как форенизированы (англизированы), так и доместицированы (русифицированы). В качестве примера англизированной стилизации возьмем дублирование кинофильмов. Наиболее ярким представителем калькирования, то есть дословного воспроизведения текстов фильмов является Дмитрий Пучков (Гоблин). Его «серьезные» (не пародийные) переводы отличаются максимальной аутентичностью, реплики героев в переводах соответствуют по смыслу и экспрессии оригинальным репликам, включая нецензурные выражения. Некоторые переводчики критикуют Д. Пучкова за достоверную, вплоть до буквальности, неэвфемизированную передачу англоязычных оригиналов, за отсутствие сглаженности, за окказионализмы. Сам Пучков в ответ указывает на неточность, неаутентичность официальных дублированных версий; так, сопоставляя свой перевод фильма «Снэтч» («Большой куш») с официальным, он замечает: «С переводом всё как положено: лексику понимают очень тонко. Фактически — на грани полного отсутствия понимания. Плюс ритмика соблюдена безукоризненно. Ерунда, что говорят всё время не о том — зато как ритмично! Перевели даже пассажи цыгана Мики, которые по замыслу автора понять решительно нельзя, и абсолютно членораздельно наговорили»¹³.

В качестве русифицированной стилизации поверхностных структур, приведем новый 2008 г. перевод романа «The Catcher in the Rye» Дж. Сэлинджера, выполненный М. Немцовым («Ловец на хлебном поле»). Переводчик стилизует речь американского подростка 1950-х гг. под речь современного русского подростка: «...сидел в своей, нафиг, берлоге...», «Возле меня пацанчик стоял...», «Вот путевая фигня с каруселями...», «И глядит на меня при этом как-то уматно...». Для сравнения можно привести отрывок этого перевода и старого перевода Р. Райт-Ковалевой. М. Немцов «Я глянул на Фиби, только она такая не засмеялась. Сами знаете же, как малявки злиться могут. Ни смеются, ничего», Р. Райт-Ковалева «Я посмотрел на Фиби, но она даже не засмеялась. Знаете, как ребята обижаются. Они даже смеяться не станут, ни в какую». Оригинал: “I looked at old Phoebe, but she wouldn't laugh. You know kids when they're sore at you. They won't laugh or anything...”. Данный перевод, рекламируемый рядом литературных изданий, подвергся критике литературоведов и переводчиков, так, Виктор Николаевич Топоров назвал его «актом литературного вандализма», «покушением на убийство». Действительно, советские переводчики (в данном случае, Р. Райт-Ковалева) часто облагораживали оригинал, акцентируя его психологическое и социальное звучание, задевая в читателе тонкие душевные струны. Зачастую перевод превращался в самостоятельное и самоценное произведение (по меткому выражению С. Довлатова «Курт Воннегут страшно проигрывает в оригинале»). Поэтому, как пишет А. Борисенко: «...новый перевод плох по определению уже тем, что «замахнулся на святое», на «священную корову канонического перевода». Но только ли в этом, то есть в наличии «канонического перевода» причина частого неприятия таких переводов?

Следует признать, что переводы Д. Пучкова и М. Немцова в большей степени соответствуют форме оригиналов, их поверхностным структурам. Однако есть одно обстоятельство, делающее вопреки таким переводам затруднительным. Дело в том, что под влиянием масскульта: поп-музыки, литературных поделок и голливудской продукции - в западном менталитете выработалось достаточно терпимое отношение к фразам и образам сниженного стиля, тогда как в русской культурной традиции порог терпимости к ним все еще

¹³ <http://oper.ru/news/read.php?t=1051601005&page=1>

достаточно низок¹⁴. С этим связано распространенное правило нейтрализовать сниженную и обценную лексику, жаргон, грубые шутки при переводе, цензурировать особо неприличные эпизоды и т. п. Однако тогда возникает другая проблема: эвфемистический перевод не передает специфику чужой речи и существенно модифицирует образ реальности (вспомним, каким лиричным и рефлексивным становится Холден Колфилд в переводе Райт-Ковалевой). Поэтому кредо таких неординарных переводчиков, как Дмитрий Пучков, не эвфемизировать сниженную лексику при переводе можно понять. Такой подход, несомненно, будет в большей степени способствовать донесению иностранной культуры до зрителя, чем «канонический» перевод.

Другое дело, что если такие переводы станут общепринятыми, они неизбежно повлияют и на русскую традицию использования обценной лексики. Вместо исключительного, маркированного использования, и она станет звучать повсеместно. Процесс этот и так идет высокими темпами, и, на наш взгляд, не стоит усугублять его, отказываясь от модерации текстов зарубежных фильмов и текстов, заполонивших наше лингвокультурное пространство.

Лингвокультурный перенос может быть связан не только с намеренной форенизацией или доместикацией, но и со случайными ошибками чрезмерной адаптации и буквализма, вызванными интерференцией поверхностных структур ИЯ и ПЯ при переводе. Например, у начинающих переводчиков лингвокультурный перенос РЯ > ИЯ часто приводит к чрезмерному усложнению конструкций, пояснительному многословию. Например, фраза “What do they want to see me about?” вместо короткого «Зачем я им понадобился?» переводится как «Что они хотят - увидеть и убедиться, что у меня всё в порядке?». С другой стороны, неосознанный лингвокультурный перенос ИЯ > РЯ может приводить к буквализму, например, «Следует абсолютно избегать техники держать постоянно нажатой эту педаль», «Эта болезнь может быть излечена и большинство людей выздоравливают быстро» (вместо «Болезнь излечима, улучшение обычно наступает быстро»).

Интерференция поверхностных структур исходного языка и языка перевода

ПЯ > ИЯ: пояснительное многословие. Например, фраза “What do they want to see me about?” вместо «Зачем я им понадобился?» переводится как «Что они хотят - увидеть и убедиться, что у меня всё в порядке?».

ИЯ > ПЯ: буквализм, сплошное калькирование например, «Следует абсолютно избегать техники держать постоянно нажатой эту педаль».

Буквализм, сплошное калькирование благодаря лингвокультурному переносу ИЯ > РЯ в настоящее время встречается в переводах с английского языка текстов всех письменных стилей, что делает эти переводы форенизированными. Но особенно заметно «нерусское звучание» переводов художественной и публицистической прозы. В отличие от русского языка, соответствующим стилям в английском языке свойственны сжатый синтаксис, имплицитный подчинительные связи и обеспечивающий смысловую емкость, меньшая экспрессивность и образность, другая сочетаемость и частотность слов. Все это часто не учитывается переводчиками, и английский текст переносится прямым калькированием в русские переводы. Возьмем фрагменты непрофессионального перевода сиквела Джоан Роулинг о Гарри Поттере: «Сама погода была в упадке», «Премьер-министр стоял

¹⁴ До падения «железного занавеса» этот порог был низок не только в культурной традиции, но и в повседневной жизни.

неподвижно и понимал, что, пока он жив, ни одна живая душа не узнает об этом случае, потому что никто во всём мире ни за что ему не поверит», «Маленький человечек в обычной черной мантии встал со стула и подошел к телу Дамблдора. Он не слышал, что он говорил. Странные слова доходили к ним через сотни голов: «Благородство духа...умственный вклад...величество сердца»...это все ничего не значило. Это мало относилось к Дамблдору, которого знал Гарри».

<p>Целостная доместикация (стилизованная русификация)</p>	<p>Целостная форенизация (англизация сплошным калькированием)</p>
<p>Перевод баллады Р. Бернса «Джон Ячменное Зерно»: «Были три царя на Востоке, / Три царя сильных и великих, / Поклялись они, бусурманы, / Известь Ивана Ерофеича Хлебное зернышко...» (There was three kings into the east, / Three kings both great and high, / And they hae sworn a solemn oath / John Barleycorn should die).</p>	<p>«Маленький человечек в обычной черной мантии встал со стула и подошел к телу Дамблдора. Он не слышал, что он говорил. Странные слова доходили к ним через сотни голов: «Благородство духа... умственный вклад... величество сердца»...это все ничего не значило. Это мало относилось к Дамблдору, которого знал Гарри».</p>

Интерференция поверхностных структур встречается не только у переводчиков-любителей, но и у профессионалов. Ю.Я. Яхнина в статье «Три Камю» показывает, что три перевода «Постороннего» Камю, выполненные Георгием Адамовичем, Норой Галь и Наталией Немчиновой, воспринимаются как совершенно разные произведения. Но если у двух переводчиц это объясняется разницей понимания их прагматической «сверхзадачи», отличием восприятия героя и индивидуального идиостиля, то в случае Георгия Адамовича она объясняется, скорее, интерференцией поверхностных структур французского оригинала: известный поэт и переводчик большую часть жизни прожил за рубежом.

Яхнина пишет: «В работах обеих советских переводчиц мы имеем дело с переводом-концепцией, с переводами мастеров, уверенно владеющих инструментом своего ремесла, знающих, чего они хотят, и последовательно добивающихся осуществления поставленной задачи. Иное дело перевод Г. Адамовича. Легче всего упрекнуть <...> литератора в буквализме. Перевод Адамовича дает для этого достаточные основания. <...> Однако беда перевода Г. Адамовича не только в буквализме. <...> В переводе Адамовича прежде и больше всего поражает другое – отрыв от стихии родного языка, утрата связи с живой русской речью. Именно этот отрыв и ломает все замыслы переводчика, вносит хаос, эклектизм в его художественную систему, лишая перевод цельности, единства, создавая спотыкающийся ритм и наивный словарный разнобой. <...> При чтении перевода Адамовича читатель то и дело спотыкается, перестраиваясь на разные ритмические и лексические лады. Лаконично, «по-современному» построенная фраза подбрасывает вдруг старомоднейшую инверсию, в разговорную лексику с размаху вклинивается давно вышедшее из употребления слово, и текст разваливается на части, подчиняясь уже не единому внутреннему ритму, а тем зигзагам, по которым ведет его потерявшая уверенность рука маститого – и несомненно одаренного – литератора...»¹⁵.

¹⁵Примеры из перевода Адамовича: «Поразило меня в их лицах то, что вместо глаз виднелось что-то тускло светящееся в окружении бесчисленных морщин» (с. 33). «В это мгновение я обратил внимание, что они со своими трясующимися головами и со сторожем посередине сидят прямо против меня» (с. 33). «На улице была

Пример выхолащивания образности и нейтрализации стиля в результате переноса АЯ > РЯ обнаруживается в переводе Б.Г. Герни гоголевского «Ревизора». К.И. Чуковский комментирует этот факт так: «мистер Герни лишает их (эти фразы) всякого подобия крылатости. <...> Мудрено ли, что, читая такой перевод, иностранцы при всем желании не могут понять, почему же русские люди считают этого унылого автора одним из величайших юмористов, какие только существовали в России, почему <...> «Ревизор» воспринимается нами не как исторический памятник, а как живое произведение искусства» [Чуковский 2008 (1966)]¹⁶. Игнорирование стилевого разнообразия русского языка и неадекватную передачу идиоматичности, эмоциональности текста довольно часто можно наблюдать в англоязычных переводах.

Четвертая оппозиция. Социальный статус языков оригинала и перевода, доминантный и второстепенный коды

Мы считаем важным включить в предпринятое нами описание и четвертую оппозицию — социальный статус языков оригинала и перевода, их лингвокультур в целом, поскольку статус во многом определяет направление лингвокультурного переноса и адаптации. *Согласно нашей гипотезе, в настоящее время при переводе наблюдается тенденция к предпочтению актуализации глубинных (и часто поверхностных) структур англоязычной культуры вне зависимости от направления перевода: АЯ > РЯ или РЯ > АЯ. Это объясняется восприятием английского языка как более статусного по сравнению с русским языком, а также доминантным статусом англоязычной лингвокультуры в мире в целом.* Поясним механизм упомянутого переноса.

При переводе с английского языка (доминантного кода) на русский язык адаптация имеет тенденцию происходить по линии облагораживания («улучшения») и, часто, усложнения глубинных структур оригинала, т. е. в попытке приспособить текст к культурно-историческому и пространственно-временному контексту русскоязычного реципиента происходит замена более простых глубинных структур оригинала более сложными. Что касается поверхностных структур, то при переводе АЯ > РЯ могут быть варианты: либо преобладает форенизация (англизация) переводного текста, либо производится его частичная доместикация (русификация), хотя тенденция к форенизации, когда читатель помещается в иноязычную культуру, преобладает, особенно в публицистических и научных текстах. При переводе с русского языка на английский, который воспринимается как доминантный код, основной стратегией становится адаптация по линии упрощения, глубинные структуры оригинала доносятся в доступной форме, содержание и смыслы приспособливаются к глубинным структурам реципиентов. Поверхностные структуры русского языка также адаптируются к нормам английского языка, во всяком случае, такой перевод считается более правильным; таким образом, и в случае перевода РЯ > АЯ стандартом является форенизация (англизация) переводного текста, но на этот раз уже текст и его автор помещаются в иноязычную культуру.

Приведем несколько примеров. Переводчик порой достаточно вольно обходится с культурными реалиями родного языка, интерпретирует текст оригинала, пытаясь воссоздать его глубинные структуры при помощи модификаций, которые, с его точки зрения, максимально адекватно описывают ситуацию «глазами иностранца». Например, переводчик может начать щеголять своим знанием идиоматики, что производит эффект утрирования, гиперболизации¹⁷ и часто вводит в заблуждение реципиентов. Надо помнить, что любые культурно маркированные единицы, включая идиомы, очень релятивны: они часто сохраняют свою внутреннюю форму, имеют определенный узус употребления, наполнены

тишина, проехала только одна машина», ср. у Н. Галь: «На улице стало совсем тихо; шурша шинами, прошла одинокая машина».

¹⁶«Когда, например, у Гоголя один персонаж говорит: «Вот не было заботы, так подай!» – мистер Герни обволакивает эту лаконичную фразу-пословицу такой тягучей и тяжеловесной канителью:

– Ну, в последнее время у нас было не так уж много забот, зато теперь их очень много и с избытком.

Там, где у Гоголя сказано: «Эк, куда хватили!» – у мистера Герни читаем:

– Конечно вы захватили значительную часть территории».

¹⁷Образно говоря, переводчик, как актер, переигрывает (hams it up).

закрепившимися в культуре коннотациями, тянут за собой ассоциативный шлейф, привязаны к определенному месту и времени.

Именно поэтому перевод фраз с использованием иноязычной идиоматики порой вызывает возражение стилистов. Так, в передаче Би-би-си, посвященной идиоматике, разбирался перевод фразы, сделанной носителем японского языка, смысл которой заключается в том, что экономическое положение в Японии остается довольно тяжелым: "The Japanese economy is still hamstrung". Как отмечалось в передаче, такой перевод может вызывать некоторый когнитивный сбой у реципиентов. Слово *hamstrung* (*hamstring* — «калечить; подрезать поджилки») является слишком экспрессивным и негативно-оценочным, к тому же, оно подразумевает намеренные действия по ослаблению, лишению дееспособности.

Та же тактика часто рекомендуется русской школой переводоведения: чем меньше текст загружен фразеологизмами и чем точнее подобрано нейтральное слово, тем легче и естественнее перевод будет восприниматься носителями языка. Так, в качестве лучшего перевода идиомы «довести до ручки» во фразе «спортивный комплекс «Мои» назван в честь того самого диктатора, чуть не доведшего страну до ручки...» был рекомендован вариант "nearly ruined the country", а не варианты "plagued the life out of the country", "took the country down the drain", "ran the country into the ground" или "nearly screwed up the whole country".

Лингвокультурный перенос, приводящий к подмене реалий, нередко вызывает нежелательный комический эффект. Достаточно нелепо, на наш взгляд, звучат образцы лингвокультурного переноса при переводе несовпадающих по содержанию реалий с русского на английский язык в таких случаях как: преподавание, образование - "training" или "instruction" (ср. переведенные на американский манер фразы типа "Our university provides excellent instruction in..."); аналогично воспринимается перевод университетских званий и степеней: старший преподаватель, доцент - *senior instructor*. Возьмем пример из книги Линн Виссон с разбором типичного перевода этого примера на английский: «...высшее образование было у 8 тысяч, из них - 42 кандидата и 11 докторов наук. / 8,000 had higher education and those included 42 candidates of science and 11 people with doctorates». Как полагает автор, данный перевод ведет к коммуникативной неудаче: иностранные слушатели, незнакомые с российской системой образования, многое не поймут в сообщаемой информации. В условиях отсутствия точных эквивалентов автор предлагает прибегнуть к культурной адаптации: «42 people with the equivalent of a Ph.D and 11 with advanced degrees». Однако, вероятно, более точным и оптимальным был бы перевод, сохраняющий и русские реалии, и английские пояснения: «8,000 had higher education and those included 42 candidates of science, that is, the equivalent of a Ph.D, and 11 people with doctorates, that is, with advanced degrees».

Неправомерное улучшение, "облагораживание" текста

1. Гиперболизация и усиление экспрессивности при помощи идиом.

The Japanese economy is still hamstrung...

The Japanese economy is still in bad shape.

...plagued the life out of the country...

...ruined the country...

Правило: чем меньше переводной текст загружен экспрессивными фразеологизмами и чем точнее подобрано нейтральное слово, тем легче и естественнее перевод будет восприниматься носителями языка.

2. Англизация русских реалий:

- преподавание, образование - "training" или "instruction",

- старший преподаватель, доцент - senior instructor, reader,

- кандидат наук - the equivalent of a Ph.D., доктор наук - with advanced degrees

Рекомендуется калькирование, транскрибирование (транслитерация).

В заключение отметим, что проблема лингвокультурного переноса теснейшим образом связана с глобализацией, и, в определенной степени, со стандартизацией и унификацией лингвокультур. И хотя в таких условиях создаются предпосылки для обогащения всех языков, в реальности ситуация иная: в связи с распространением и доминированием англоязычной культуры в мире английский язык воспринимается как доминантный код, а другие языки - как второстепенные коды. При переводе и других видах межкультурной коммуникации глубинные и поверхностные структуры доминантного языка преобладают и вытесняют соответствующие структуры подчиненных языков. Это может привести к упадку национальных языков и их постепенному забвению. Поэтому ради сохранения баланса, на наш взгляд, в переводе с национальных языков не надо препятствовать лингвокультурному переносу, когда реалии и языковые структуры национальных языков и культур переносятся на переводимый текст, а через тексты — и на сам английский язык как язык международного общения.

Литература

Источники иллюстративного материала: форумы переводчиков
[http://www.proz.com/kudoz/;](http://www.proz.com/kudoz/) <http://forum.lingvo.ru/actualtopics.aspx?bid=18;>
<http://www.trworkshop.net/forum/viewforum.php?f=25;> [http://forum.study.ru/;](http://forum.study.ru/) сайт
<http://www.vavilon.ru>

Бархударов Л.С. О поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания. – 1973. - № 3 – с. 50-61.

Борисенко А. Сэлинджер начинает и выигрывает.
<http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/bo16.html>

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.

Леонтьева К.И. Верность интерпретации vs.«нейтрализация» при переводе поэзии. URL:
<http://rgf.tversu.ru/node/642>

Лорие М.Ф. Уловки переводчиков // Мастерство перевода. М.: Изд-во Советский писатель, 1970. Выпуск 7. - 542 с.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010.

Марова Н. Д. Диалоги о перспективе текста : (на материале немецкоязычных художественных текстов) / Н. Д. Марова. – Алма-Ата : Изд-во Казах. ун-та, 1989. – 84 с.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: Методологические и методические аспекты //Лексические единицы и организация структуры литературного текста: Сб. научных трудов. Калинин, 1983. – С. 35-52.

Текст как явление культуры [Текст] / Г. А. Антипов; О. А. Донских; И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.

Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. — СПб.: Авалонь, Азбука-классика, 2008.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.

Юнг К. Г. К вопросу об изучении психологических типов. URL: <http://www.yourdreams.ru/biblio/pages/carl-gustav-jung-spt-1.php>

Яхнина Ю.Я. Каждый перевод — интерпретация. URL: http://www.langinfo.ru/index.php?sect_id=1540

Яхнина Ю.Я. Три Камю. URL: <http://www.vavilon.ru/noragal/yahnina.html>

Berman A. Translation and the Trials of the Foreign // The Translation Studies Reader, edited by Lawrence Venuti. Routledge, 2000.

Eco U. Saying Almost the Same Thing: Experiences in Translation. Milan: Bompiani, 2003.

Hingley R. (ed. and trans.) The Oxford Chekhov, vol. III, London and New York: Oxford University Press, 1964.

Lefevere A. Translation: Its Genealogy in the West // Susan Bassnett and André Lefevere (eds.) Translation, History And Culture. London and New York: Pinter, 1990.

Shuttleworth M., Cowie M. Dictionary of Translation Studies. Manchester, UK: St Jerome Publishing, 1997.

Stange-Zhirovova N. Different Types of Language Transfer: The Case of Russian Immigrants in Francophone Belgium // Meeting of the American Association of Teachers of Slavic and East European Languages (December 1996, Washington). Linguistic Abstracts. Pp. 39–40.

Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London & New York: Routledge, 1995.

E.V. Shelestyuk

Linguocultural transfer as the basis of text adaptation in translation

In article discusses the concept of linguocultural transfer, considering it in four oppositions: a) local vs total; b) conscious vs unconscious; c) connected with deep vs with surface structures of the original and translation; d) connected with the social statuses of the original and translation languages.

Keywords: linguocultural transfer, adaptation, lacuna, foreignization and domestication, linguistic and cultural interference, surface and deep structures.

Источник статьи:

Шелестюк Е. В. Лингвокультурный перенос как психолингвистическая основа переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета (Серия «Филология. Искусствоведение»). Выпуск 82. № 24 (315), 2013. - С. 37-47.